

С. И. МАТВЕЕВ

Философия общего дела

(Учение Н. Ф. Федорова)

Русская философская мысль представляет *особую* струю во всемирной истории философии. В переживаемое ныне время некоторого оживления национального вопроса более чем уместно вспомнить, что говорили русские мыслители о мировой задаче нашего великого народа и раскрыть, в чем они сами являлись его представителями. На это обращалось мало внимания, а между тем *особый* строй русской философской мысли интересен, потому что вскрывает нам, что может дать миру Россия.

Отметим заранее *особые* черты русской философской мысли. Первой является построение русскими философами схем без обычной на Западе сложной рационалистической аргументации, — схем, направленных в то же время к исканию и выяснению самых широких целей. Таким образом, можно отметить *расплывчатость мысли в связи с особой широтой задач*.

Еще *особой* чертой является более *практическая* форма изложения этих широких концепций, приуроченных обычно к рассмотрению вопросов прикладного значения (религиозных, политических, общественных). Большинство русских теоретических построений имеет своей задачей непосредственно превратиться в «дело», вызвать то или иное мероприятие правительства или желаемое настроение интеллигентного общества. Это одинаково приложимо и к *правым* и [*к*] *левым* авторам. Так же и наши писатели были обычно не художниками только, а мыслителями, но лишь прикладного характера.

Все эти черты: практичность и зависимость от текущего момента, а также слабая теоретизация, в связи с широчайшими целями и задачами, — с трудом позволяют разобраться в основных идеях русской философской мысли.

Поэтому-то очень дорогим и представляется исследование работ немногих русских мыслителей, сумевших подняться до теоретического сознания идей русской философской мысли. Так много препятствий на пути точному мышлению в русской философии! Нельзя не упомянуть при этом об общеинтеллигентских стараниях *не дозволить* своим вождям договориться до конца, поставить точку над «i». Ведь при изысканиях оказывается, что свободные от этих оков русские мыслители обычно доходили до выяснения и точного осознания основы основ русской жизни и мысли — православного христианства, понимаемого, правда, почти каждым мыслителем своеобразно.

В такой своеобразной форме сознал эту главную основу и обычно замалчиваемый нашими полуинтеллигентами, почти неизвестный русский философ *Николай Федорович Федоров*.

Интерес к нему усиливается своеобразием его понимания указанной основы русской жизни — Православия: он понимал Православие как задачу фактического выполнения, фактического осуществления Царства Божия *на земле* и как средство осуществить это выдвинул *философию общего дела*. Чрезвычайно интересно для нас, что нашелся мыслитель, который сформулировал уже упомянутую *практичность* русской философской мысли, выставивши принцип *дела*.

Перейдем же сразу к его личности. Ведь своеобразный принцип *дела*, выдвигаемый им, сейчас же направляет нашу мысль на то, как *сам* мыслитель этот старался осуществить *дело*, как он содействовал проникновению Православия в жизнь.

Н. Ф. Федоров прошел свою жизнь, если судить по внешним признакам, более чем скромно. Сперва — уездный учитель, затем — библиотекарь и страстный библиофил Румянцевского музея, затем — служащий в Архиве Московском Министерства иностранных дел, выслуживший себе пенсию после многотрудной деятельности всего в 17 руб. 51 коп. в месяц.

Но за этим скромным положением скрывалась могучая многосторонняя деятельность, с первого взгляда покажется — мало связанная с его широкими философскими построениями, но тем не менее имевшая эту связь в самой сильной степени.

Например, упомянем хотя бы о том одном странном явлении, которое он представлял собою в своей библиотечной деятельности. Он *носился* с проектом выработки наилучшей карточки для каталога из вечного материала, с краткими библиографическими сведениями. Но и этот, кажется бы странный проект, наудачу выхваченный из бесчисленного множества подобных, был вполне рационально связан с его общими идеями.

Библиотека — это, по его мнению, своего рода некрополь дорогих *всем* дум целого ряда предшествовавших поколений. Это —

посредник в связи, живой и деятельной, предков с потомками. Там хранится в извлечении *все то*, что было добыто в области знаний, *все* лучшее из творчества наших отцов, и мы должны охранять это от всеразрушающего времени, мы должны умело и без труда пользоваться их наследием. Лично себя Николай Федорович считал в *общем* распоряжении *всех* посетителей библиотеки. Факты и воспоминания подтверждают это. Он часами искал нужные книги студентам, готов был всегда делиться своим колоссальным знанием книг, помогал советами желающему что-либо изучить.

В таком же роде, как и библиотеку, он представлял себе вообще и желательный строй Музея. Здесь опять-таки собрано в образцах все, что было создано *всеми* на *общую* опять-таки пользу. И *все* должно пополняться *всеми же*. В идее он называл Румянцевский Музей Предкремлевским, т. е. таким, где собраны *все* предания русской истории, где представлено обозрение *всего* существующего в России теперь, пополняющимся опять-таки *всеми же* на *общую* пользу. Московский Музей, по его идее, должен быть только центром тысячи рассеянных по всем деревням мелких музеев, пополняющихся из него и пополняющих его.

И подобно тому как Московский Музей является Предкремлевским, т. е. находится в тесной связи с кремлевскими святынями и гробницами наших *общих* отцов на земле — государей, — так и мелкие деревенские музеи должны стать в теснейшую связь с местною церковью и кладбищем деревни, — быть одним крылом церкви даже в чисто архитектурном отношении.

Опять-таки и лично Николай Федорович уложил много сил на собрание, в бытность свою уездным учителем, самых мелких фактов истории, географии, этнографии и т. д., самых глухих углов родины, куда его в молодости ни забрасывала судьба. Он кропотливо собирал *все* эти мелкие памятники *общей* деятельности, все факты текущей *общей* жизни, — был в этом отношении как бы скупым рыцарем, в противоположность личному своему отношению к своим личным делам и мыслям. Он нещадно разбрасывал свои мысли в заметках, статьях по *всем* изданиям (например, важная принципиальная статья «Самодержавие» помещена в газете «Асхабад»)¹. Он приветствовал образование на местах ученых архивных комиссий, содействовал отделам Императорского археологического общества, носился с произведениями вроде истории какого-нибудь села или усадьбы. Все это было ему дорого. Это был материал для музеев — центрального и местных. Он хотел втянуть в свою работу *всех*. У него был проект, — предложенный им хранителям библиотек на Западе, — обмениваться всеми изданиями, проект, только отчасти осуществившийся, но уже после его смерти. В некоторых вопросах, заметим это, забегая сейчас впе-

ред, этот идеалист не признавал частной собственности, например авторского права.

Если, по его теории, маленький деревенский музей должен в каждой деревне составлять одно крыло церкви, то другим ее крылом Николай Федорович схематически представлял себе школу. Он был убежденнейший сторонник *всеобщего* образования. Конечно, последнее он разумел основанным на религии и традициях родной земли; это было *conditio sine qua non*². Да и наука сама, и в своей разработке, должна быть широчайшим образом демократизована. Он с непередаваемым юмором обрушивался на корпоративно-замкнутую разработку ее, смеялся над учеными сычками, сидящими в клетках, сделанных ими же самими.

Нет! — говорил он — привлекайте *всех* к общему делу. Пусть простой крестьянин приносит вам материалы и пусть, обученный методам исследования, сам потянет за собой других, таким образом и материалы возрастут, и обработка их будет *всеобщей*. Университет также будет лишь связующим центром тысячи мелких школ, как Московский Музей, — центром мелких деревенских музеев.

Позволительно, кажется, сейчас привести в параллель один интересный проект Ломоносова: поручить от Академии наук простым деревенским ребятишкам собирание *всех* ископаемых, выходящих на свет по берегам *всех* русских рек после дружной *общей* работы при весеннем разливе.

Если все эти проекты не осуществились и не осуществляются, то все-таки они очень характерны для русских порывов взять *сообща* на *всех* *все* дело и повести, может быть, в последний раз великую борьбу против мирового зла, темноты и взаимной отчужденности.

Стоило затем Николаю Федоровичу перейти на службу, уже под старость лет, в Архив Мин<истерства> иностр<анных> дел, как и тут создавался проект *общего* дела. Он смотрел на этот Архив как на собрание *всех* свидетельств *общения* народов. Не будем излагать в подробностях по недостатку места этот проект. Отметим лишь, что новый проект Федорова имел много общего с выдвигаемой в настоящее время идеей «*мира всего мира*».

Так осуществлял седой идеалист в своей жизни или, вернее, пытался осуществлять идею *общего дела*, — идеалист без семьи, без всяких средств, умерший в 1903 г. в городской Мариинской больнице, окруженный лишь несколькими почитателями его светлого ума и доброго сердца. И наша так называемая либеральная печать не отметила его кончины, не почтила его памяти: слишком далек был от нее этот *русский* идеалист. Тем с большей благодарностью останавливаемся мы на одном из его почитателей — В. А. Кожевникове, старательно собравшем *все* статьи и заметки и письма

Федорова, создавшем в своем труде памятник ему (*Николай Федорович Федоров*. Опыт изложения его учения по изданным и неизданным произведениям, переписке и личным беседам. Москва, 1908 г.). Кроме этой солидной монографии имеется издание личных трудов философа (Н. Ф. Федоров. *Философия общего дела*. Статьи, мысли и письма его, издан<ные> под ред<акцией> В. А. Кожевникова и Н. П. Петерсона. Том I. Верный. 1907 г.). Мы должны быть благодарными авторам этих трудов, что для нас не пропали эти светлые мысли. В настоящее время готовится к печати еще II том собрания сочин<ений> Федорова. К сожалению, скажем — до сих пор все эти труды издавались «не для продажи».

Кратко описав жизнь Федорова, перейдем теперь к более подробному изложению его учения.

Итак, Н. Ф. Федоров выставил принцип *дела* как единственно спасающий от расхождения философии с жизнью. Это же *дело* для своей деятельности должно быть *всеобщим*. Только *всеобщее дело*, в проведении вековечных истин Евангелия в жизнь, может спасти всех. Изолированность же, отчужденность — первоначальный грех. Этот грех отчужденности положил свою печать и на все попытки отдельных систематизаторов выдвинуть какой-либо свой принцип, объединяющий все философские системы. Такие попытки объединения не удавались, по крайней мере на Западе. Очевидно, там корень зла лежит очень глубоко. Прежде всего он лежит, по мнению Ник. Фед., в оторванности основы западноевропейской культуры — католической церкви, — от Вселенской. А может быть, корень зла уходит еще дальше в глубину веков. Там, в седой древности, отмечает Федоров еще у Сократа отступление от принципа *всеобщности*. Сократ выставил принцип самосознающей личности, принцип: «познай самого себя!». И со времени Сократа греческая философия становится уделом избранных, замыкается в академии и ученые кружки. Н. Ф. не признавал, даже в пору господствовавшего язычества, необходимости философам замыкаться. Это, по его мнению, уже было изменой *общему* делу. Пойдем следом за Н. Ф-ем в его разборе истории философии. Он не признавал заслуги замкнувшихся философов сократических школ в подготовке древнего мира к христианству. Последнее было актом Божественной воли и нимало не обязано сократовской философии самопознания личности и самосовершенствования. Все эти стоики, перипатетики были бессильны выдвинуть *общую* идею. Спасение мира указано было в учении Господа, Который, создав Церковь, передал ей силу всеоживляющей благодати. Дальнейший же процесс человеческой жизни и мысли состоял, к сожалению, лишь в постепенном *ужасном* дроблении объединенных было сил человечества.

Правда, Н. Ф. очень ценил средневековый период философии и жизни Европы, как попытку создания *Единого* Града, но в то же

время отмечал, что даже в дивную мировую концепцию философии Августина, предтечи и теоретика этого периода, вкралось *отчуждение*. Ведь Августин, — с грустью констатировал Н. Ф., — допустил в своей системе разделение Единого Града на Божий и земной, хотя и предоставил первому преимущество и объединяющее значение. Это разделение выразилось в жизни — в борьбе пап с императорами, борьбе, погубившей дело христианства на Западе. Так, одна крайность постоянно вызывала другую... и идея *общего* дела все падала и падала... Отдельные стороны различных, разошедшихся учений Н. Ф. ценил, но постоянно подчеркивал невозможность отдельным этим учениям выдвинуть всеобъединяющую схему.

Так, он ценил эпоху Возрождения за провозглашение свободы человеческого духа от крайностей схоластики Средневековья, но... опять-таки констатировал, что голая свобода личности, провозглашенная в эпоху Возрождения, фатально не могла доставить людям счастья. Эта свобода, лишенная каких-либо определяющих моментов, привела лишь к обожествлению человека со всеми его страстями. В результате же — конец XV века определился как эпоха крайнего падения нравственности. По своей развращенности эта эпоха не может быть сравниваема ни с какою другой.

Далее, эпоха Реформации, обратившая внимание людей к религии, должна считаться (и была таковой) временем нравственного очищения. Но... опять-таки, ведь и это движение, носившее характерное название *Протестантского*, несло в самом себе зародыш падения. *Протест не может объединить!* И вот в результате само протестантское движение стало дробиться и дробиться на бесчисленные секты, страстно враждовавшие меж собой. В конце концов это создало лишь общее пренебрежение к вопросам религии... и так выработался Рационализм.

Рационалистическая философия, философия новой Европы, основоположником своим считает Декарта. И что же мы видим? Какие основы он выдвигает? Да опять те же идеи отчужденности. Декарт своим принципом «*cogito — ergo sum*» только подчеркнул сильнее принцип *личного* бытия и разумения. Теперь отпала еще сохранявшаяся у Августина христианская форма этого принципа (*fallor — ergo sum*, т. е. согрешаю — стало быть, существую).

Так шло дело все дальше и дальше, вплоть до нашего времени. Не будем затруднять изложением мнений Федорова, хотя и очень интересных, относительно всех замечательных философов Запада. Воспользуемся примером его же самого, ценившего особенно радикалов мысли, и перейдем прямо к концу развития западной философии. Здесь стоят многозначительные фигуры Ницше и Макса Штирнера, с его философией «единственного и его собственности».

Ницше — этот *черный пророк*, по выражению Федорова, насмеялся над всеми до него попытками систематизации в философии во имя какого-либо принципа. Он указал, что какое бы мы ни приняли положение, каждое, при дальнейшем развитии приводит к абсурду, и...

Adventavit asinus
Pulcher et fortissimus!³

В лице Ницше Запад сказал все свое; были осмеяны им все мнения, разбитые и отчужденные, боровшиеся друг с другом и погибшие в бесславной борьбе. В лице Ницше пришел к окончательному саморазвитию *буддистский* элемент пессимизма, отчаяния, отчужденности, скрывавшийся в корнях изначала европейской философии. Иначе как криком отчаяния и безумия и не считал Федоров философию сверхчеловечества. Ницше сошел с ума... Это было необходимым завершением истории западной философии. Гартман, сохранивший свой разум, сам покончил с собой!

После них, естественно, уже не появилось ничего нового на Западе. Неокантианство — пережевывание старого. Только учения Джемса и Бергсона являются попыткой борьбы с рационализмом, во имя «опыта» и «воли».

Что же делать теперь? И... что делать нам, русским, принимающим на себя это ужасное наследие? Где свет?

Естественно, этот свет, эта точка опоры может быть найдена лишь в противоположности ужасной *отчужденности* — в объединении.

Этот принцип — наиболее замечательный из выдвинутых Н. Ф.-чем. Он покрывает все остальные. Надо объединить философию с жизнью. Надо требовать, чтобы философы были и прямыми работниками в жизни, воспитателями человечества! (Вспомним его проект демократизации науки и просвещения.) Изолированность философской мысли в кабинетах ученых могла только повести и привела к обесцвечению мысли: оторванность от дела обессилила мысль.

Надо, дальше, объединить философию с религией. Пусть религия через философию войдет в практическую жизнь. Сам Господь Бог, общаясь с Самим Собой в Трех Лицах, дал нам образец взаимной друг к другу любви людей. Итак, да будут нераздельны эти три великие области: религия, философия, жизнь! Нет никаких оснований видеть противоречие меж религией и философией! Новейшие исследования совершенно устраняют это положение.

Такова главная мысль Федорова. Все дальнейшее уже будет выводом из нее. Нельзя не прийти в восхищение перед этой смелой концепцией, но нельзя и не задуматься. Посмотрим, следуя самому Н. Ф.-чу, к чему привело бы на практике ее осуществление. Ведь

практическую проверку только и признавал Федоров для всех, хотя бы и самых хитроумных философских принципов. Раньше мы уже отмечали вскользь, что Федоров отрицал самые необходимые случаи отчужденности, например среди языческого общества. Теперь отметим, что его отрицание распространяется всецело и на какое бы то ни было отчуждение в христианском обществе.

Одинаково отрицает он разумность существования и монастырей и академий. Почему это, — задает он вопрос, — все порядочные люди уверились, что мир безнадежно «во зле лежит»? Почему они отстраняются от жизни, замыкаясь в монастыри или академии? Ведь им, отчуждившимся, в удел попадает тогда изучение какой-нибудь гомилетики!

По мнению же Федорова, нельзя и мыслить о том, что может существовать какая-то особая наука — богословие. Н. Ф. понимал богословие лишь как практическое применение и выполнение заветов Спасителя.

Эти мысли мы излагаем лишь для сведения, но не можем вполне присоединиться к ним. Во всяком случае, эта философия «общего дела» является характерным показателем свойств и наклонностей русской мысли. В ней отразился широкий размах наших *русских* философов, отразилась практичность русской мысли... но также и некоторая анархичность русской природы, не желающей знать мелочей и устремляющейся всецело за недостижимым.

Однако очень ценным представляется то обстоятельство, что в системе Федорова, поскольку его учение можно так назвать, *был преодолен русский нигилизм русской традиционной религиозности*. Федоров не выработался в известный тип русского анархиста, как Толстой, Кропоткин или Бакунин. Он ставил выше всего религию, понимая ее как общее дело всего рода человеческого, всех «сынов Божиих» в борьбе со злом.

Разница с обычным мировоззрением у Федорова лишь та, что его мировоззрение более оптимистично. Он считал возможным человечеству еще здесь, на земле, одержать победу над мировым злом объединенными силами. Он вспоминал русскую пословицу: «Миром да собором и черта поборем!» и призывал человечество объединиться около русского народа, чтобы повести, может быть, в последний раз мировую борьбу за Добро.

Но для этого именно и требовалось объединение, самое полное. Федоров не допускал возможности выделения руководящего сословия — сословия духовного. Это считал он великим грехом со стороны духовенства. Оно должно войти в жизнь, а не дезертировать. В равной мере это говорилось им вообще обо всей интеллигенции.

Только дезертирство из жизни руководящего слоя людей, присвоившего себе наименование духовенства, и могло ввергнуть в

переносимые теперь беды все остальное общество, которому почему-то присвоили особое наименование светского.

В этом расколе лежит корень бедствий общества, так называемого светского, к рассмотрению нужд которого, согласно Федорову, мы теперь переходим.

Это несчастное, выделившееся или выделенное, светское общество устроилось жить по юридическим параграфам, забыв общее братство. Если этот лозунг (братство) вместе со свободой и равенством и мыслится лежащим в основе культурного общества, то фактически, конечно, это лишь одна насмешка над братством. Юридические параграфы давным-давно осилили братство.

Едва ли против кого ополчался Федоров с большей силой, как против юристов. Они подменили родство законами! Они стерегут, как волки, всякое доброе дело, чтобы заключить его в юридические нормы, омертвить и убить. Это — злые коршуны всего доброго!

Благодаря их деятельности идея братства исказилась в отвлеченный гуманизм. Последний же «как небожественный и натуралистический... есть переход к очень определенной животности». «Гуманистическо-космополитическое государство... есть искусственный, механический агрегат... бродяг, родства непомнящих», а не сынов Божиих.

Только такой разграниченный юридическими нормами строй общества и мог вызвать требование прав: ведь каждый обособленный субъект, со своей личной, не братской точки зрения должен считать себя обделенным правами. «Прав, прав!» — кричит современное человечество и получает в конце концов так называемый *правовой* строй, точно в насмешку над собой.

Надо признать, говорит Федоров, что никакие права, даже самые широкие, не спасут, не дадут счастья, не удовлетворят, — пока люди не перестанут смотреть друг на друга как на врагов, конкурентов и т. д.

Тогда перед нами встает вопрос: что же делать? не отвергнуть ли законы сейчас же? И вот — что очень замечательно — Федоров в данном отношении не идет по стопам Толстого. Он считает, что отвержение юридического, государственного и общественного строя теперь же, немедленно, принесло бы большие лишь беды. Получилась бы лишь одна провокация великих идеалов человечества.

Итак, Н. Ф. утверждал в своей теории существование современного юридического строя, но утверждал лишь с оговоркой, временно, пока от перевоспитания общество не изменится коренным образом, т. е. пока этот строй сам собой не сделается излишним. Он признавал и государство, и в самой резкой форме проявление его авторитета — признавал военную службу. Однако он полагал,

что, непосредственно обучая солдат, офицеры должны указывать им, что служба кровью требуется лишь теперь, временно — при данном состоянии общества. Умственному взору Федорова представлялся лагерь-школа.

В виде частности отметим характерное требование Федорова, в параллель всеобщей воинской повинности народа, требование всеобщей образовательно-воспитательной повинности интеллигенции. Никто не может быть свободен от нее: *каждый* из нас обязан оставить после себя несколько грамотных выучеников своих. Эта рядовая служба одинаково обязательна и для академика, и для кончившего гимназию. Это — одна лишняя черта в программе *общего дела*.

Вообще, отметим, что в перевоспитание людей Н. Ф. переносил центр тяжести своего учения. Однако, если человечество принуждено еще, хотя и временно, жить в государственном строе, оно должно выбирать лучшие формы этого строя. Такой лучшей формой он считал Самодержавие. Требование прав, конституции он считал отказом от *«общего дела»*; в этих требованиях сказалась только оторванность интеллигенции от родного, отеческого народа, остающегося со своим Царем-Помазанником Божиим, т. е. имеющим непосредственно от Бога указание стоять во главе *общего* христианского дела, руководить им. Если конституция ведет неизбежно к дроблению сил, к партийности всякого рода, то Самодержавие включает в себе элементы власти моральной, имеющей вести дело воспитания и перевоспитания народа и всего человечества. Неразумно, уже по практическим соображениям, отказываться от всей силы, всей мощи, заключающейся во власти русских Самодержцев: это надо использовать!

Русские Самодержцы имеют в будущем объединить *все* христианское общество для восстановления в чистоте этого учения (христианского) и проведения его принципов в жизнь *всего* человечества. Русское Самодержавие имеет уже заслуги в этом отношении. Наши цари первые поставили вопрос об ограничении, уменьшении бесцельных ужасов войны. Вся история международного права связана с именами русских государей. Екатерина II выдвинула вопрос о «вооруженном нейтралитете». Александр I создал Священный союз христианской Европы, замечательный по своей идее, как бы ни смотреть на его фактическое проведение в жизнь. Александр II поддержал вопросы Женевской мирной конференции, был, в сущности, творцом первых ограничений в употреблении разного рода разрывных пуль и т. п. Перечисление выдвинутых им вопросов завело бы слишком далеко. Вспомним еще лишь, что император Александр III, ведший иную политику, создавший колоссальную военную мощь России, в то же время этим самым направлением своей политики, более других содействовал идее «ми-

ра *всего* мира», — за что и остался в памяти потомства с наименованием Миротворца. Наконец, знаменитая Гаагская Конференция Мира — есть опять-таки дело Русского Императора.

На основании всех этих соображений Федоров и считал возможным ожидать от русских Самодержцев сильнейшего толчка «общему делу» всего человечества. Поэтому он и определял Самодержавие следующим образом: *«Самодержавие есть общее дело, предметом которого служит жизнь всего человечества... дело его — священное, внехрамовая литургия, братотворение, т. е. замена всего юридического и экономического нравственным, родственным»*. Надо сознать себя *сынами* Царства Божия, а не гражданами. При такой постановке Самодержавия естественно отпадает всякий вопрос о правах Царя или народа. Н. Ф. говорил: *«Не народ для Царя, и не Царь для народа, а Царь вместе с народом, как исполнитель дела Божия, дела всечеловеческого»*.

Ясно, насколько такое понимание задач политического строя выше обычного конституционно-правового. Н. Ф. полагал, что в нашем русском народе сохраняются еще неиссякаемые запасы братских чувств. Надо дать лишь им выход — и они волной выйдут на арену мировой истории и смоят, и снесут жалкие конституционные перегородки.

Есть у свободы враг опаснее цепей,
 Страшней насилия, страданий и гоненья,
 Тот враг неуязвим: он — в *сердце* у людей;
 Он — всем врожденная способность примиренья!

(Надсон)

«Сим победиши!» — говорил наш мыслитель, а именно — усилением и развитием *братских* чувств.

Это же является и главным врачующим средством и при решении вопросов экономических, столь остро стоящих в современном капиталистическом обществе и становящихся все более острыми. И вот, переходя к предлагаемым нашим мыслителем решениям экономической проблемы, мы прежде всего, как делали это и прежде, обратимся и посмотрим, как *сам он для себя* решал эти вопросы. Вспомним его пенсию в 17 р. 51 коп. и отметим, что он, при всех своих старческих немощах, находил возможным раздавать большую часть этой пенсии, — и при этом говаривал: *«Как ни трать деньги, — они все еще остаются, проклятые!»* Он ограничил свои потребности самым необходимейшим... и оказался богачом. Правда, отметим, у него не было ни постоянного жилища, ни постоянного стола, ни матраца, ни подушки; его одежда были лохмотья. И вот тем не менее он считал возможным, со своего нищенского положения, глядеть точно сверху вниз на неустанно

мечущееся в погоне за золотом человечество и повторяют, наполовину с презрением, наполовину с сожалением, слова гетевской Гретхен:

Zum Golde drängt, am Golde hängt doch alles!
Ach, vir Armen!..⁴

Таким образом, и решение экономической проблемы тесно связано с общими взглядами Федорова. *Все может быть решено лишь всеми же*, общей любовью и очищением внутренним самой личности. Нельзя проповедовать классовую рознь. Это является лишь дальнейшим шагом ужасного «отчуждения». Социализм — лишь обратная сторона капитализма. Это лишь новая борьба, новая трата сил человечества — и неизбежно с печальным результатом. Ведь и накопление богатства и даже достижение просто довольства «ни у кого не устранило ни унылой мертвящей скуки, ни страха возможной нищеты... ни страха будущей жизни». «И через золото льются слезы!» — повторял он народную поговорку. И нельзя никоим образом смешивать евангельскую проповедь с социалистической; нельзя видеть в Христе социального реформатора. «Для Христа бедность настолько же не зло, насколько и богатство — не благо», — говорил он. Он хвалил совет одного из американских университетов, отказавшийся принять богатейший дар на просвещение от Карнеги, от миллиардера, уверенного во всемогуществе его миллионов преобразовать и просветить мир, от миллиардера, написавшего книгу «Евангелие богатства» с прославлением золота и его силы⁵.

Но конечно, во всех этих оценках Ф<едоров>ым материальных благ не надо видеть его презрения к ним. Нет!.. ведь философ-проповедник «общего дела» был вместе с тем одним из первых, призывавших именно к *практической работе* всю интеллигенцию... он звал ведь войти именно *в жизнь, в практику* — стало быть, и, между прочим, для создания тех же материальных благ.

Таким образом, это его презрение к материальным благам надо понимать лишь как к благам *исключительно* материальным, порвавшим связь с духовными, — к благам, которые, если позволено будет их олицетворить, кичатся своим всемогуществом. И вот Федоров разоблачает их полную несостоятельность при таком их отчужденном состоянии. Но конечно, повторяем, он далек от беспочвенного идеализма, особенно уже неуместного в нашу капиталистическую эпоху. Подвиг нестяжания, который он принял на себя, он не считал обязательным для всех. Он лишь постоянно подчеркивал и констатировал полную несостоятельность опирающихся *исключительно* на материальные блага. Он только, исходя из своей твердо установленной идеи «общего дела», заранее констатировал буду-

щую неудачу и социалистического движения, как и конституционного. Ведь их корень — обособление, отчуждение, а выводы — требование конституционных гарантий в ненавистных юридических параграфах и проповедь классовой розни и борьбы у социалистов. Нет!.. — говорил он — борьба не может спасти. Нужно объединение.

Федоров не отрицал как юридического, так и экономического строя. Временно надо сохранить это. Надо использовать выгоды капитализма, его мощь для «общего дела». Ведь и социалисты не отвергают капиталистического общества. Они ждут его развития до всемирного хозяйства. Федоров же вставлял существенный корректив. Он отвергал возможность исходить *исключительно* из экономических положений и целей. Он говорил: не забывайте *всего!* Не забывайте и духовной стороны дела. Не забывайте, что *«не одним хлебом жив человек»*.

Экономические вопросы надо решать, не забывая *высшей экономики*. Исходя из этических требований, надо добиваться спасения, например, маломочных крестьян, в целях поддержания у них хозяйства, семьи, этого очага общества, государства и Церкви. Нельзя просто констатировать, что крестьянство слабее крупного землевладельца и, стало быть, обречено погибнуть. Нет! В нем, в крестьянстве, есть силы иные, его задачи высокие, и оно неизбежно преодолеет свой кризис в капиталистическом строе. Эти *особые* силы, *особые* цели велики, и это проявится. Словом, нельзя отвергать духовных ценностей в крестьянском *мире*. Да и бесполезно отвергать. Живое живым останется. Поэтому — и непрактично исходить из точки зрения *исключительно* экономической.

Таковы взгляды Н. Ф<едорова> на вопросы экономические, взгляды, вполне соответствующие его основной идее — *единения*. Правда, мы встречаемся здесь с одной отрицательной стороной русской мысли, которая в то же время является и положительной. Это — чрезмерная широта построений, и поэтому расплывчатость. Неясным остается, как, в частности, использовать капитализм, что поддерживать из форм крестьянского землевладения. Это все лишь намеки... Федоров полагал, что *общие* усилия *всех* доберутся уже до *подробностей*.

Все эти общие усилия должны пойти по пути борьбы с единственным врагом человечества — со слепой природой. Это — новая, важная мысль. Природа, по его определению, *враг временный, а друг вечный*. Люди испортили природу, и она не дает нам всего, что может. Мы сами испортили себя во многом и не умеем брать то, что нам нужно и что природа нам может дать.

И вот все усилия наши должны быть направлены к борьбе с косными силами богатой природы и к восстановлению нормаль-

ных к ней отношений. Если бы все силы, которые расходятся в междоусобной войне людей-братьев направить на борьбу за *всех*, то скоро произошло бы улучшение жизни людей.

Интересно опять провести параллель с русским анархистом Кропоткиным в понимании дела человечества на земле. Кропоткин считает все продукты культуры, все капиталы, движимые и недвижимые, — результатом *общей работы всех людей*. Мысли здесь опять те же, *русские*. Та же идея мира, общины, единения. Но вывод свой сделал Кропоткин чисто анархический, узкий. Стало быть, нужна коммунистическая революция; надо все отобрать для всех. Сравним же, как далеко от этой односторонности стоит Федоров, как он, точно орел, взлетает над проповедью революции, как расширяет понятие материальных благ, как считает *должным* временно допустить существование настоящего строя... и какие горизонты величия он открывает человечеству в результате общей дружной работы всех!!!

Все это могло дать ему лишь Православное Христианство: и величие идеи будущего (сравните коммунистическую республику и... Царство Божие), и огромный запас сил работать здесь, на нашей грешной земле, работать в имеющихся уже рамках, лишь заботясь об их одухотворении, об использовании и политической мощи Самодержавия, и экономической мощи капитализма, работать, не забывая о блестящей впереди звезде *общего* блаженства людей, сознавших себя сынами Царства Божия.

В заключение мы должны сказать несколько слов о своем отношении к изложенному учению. При всем своем сочувствии *философии общего* дела Федорова, мы не могли уже при изложении его взглядов не отмечать по разным случаям свое расхождение с ним. Да не посетует тень замечательного русского человека, что мы и здесь, расставаясь с ним — блестящим представителем русской мысли, — отметим еще раз это свое расхождение с ним. Применим опять к его философии его же излюбленный метод, посмотрим, что грезится ему в результате применения его философии в жизни. И вот, с некоторым изумлением и даже ужасом, мы видим его мечту о *фактическом исчезновении смерти* в результате общих усилий всего человечества на земле. Он мыслил, что возможно общими братскими усилиями людей залечить все раны, нанесенные уже людьми природе и самим себе. Возможно, говорил он, тогда вернуть природе ее девственные силы. Не будет уже впрямь тления и разрушения. Возможно, что общее дело человечества под руководством Святой Церкви загладит и *все* грехи прошлого, вернет к жизни разрушенное, воскресит, оживит умерших.

Покажется кощунственной православному мысль о всеобщем воскресении из мертвых здесь, на земле, силой земной, силой са-

мого человечества! Покажется кощунственной — это мы знаем. Но... не забудем светлой идеалистичности этого умнейшего человека. Вспомним, что он не мыслил при этом никакого дела возможным без руководства и помощи Божией. Припомним, что он сам был ревностнейшим христианином в послушании всем заветам Святой Церкви, в исполнении всех ее установлений. Тогда поймем мы, что и данная, дерзкая мысль вытекала не из противоречия его с истинами христианства; наоборот, он лишь черпал здесь одушевление проводить до конца свою основную мысль, может быть и *неправильную* по основной точке зрения.

Ведь он видел корень зла в отчуждении, тогда как зло — есть категория особого порядка, а отчуждение есть лишь одна из форм жизни вообще. Действительно, характерным является для зла его отчуждение от Общего Святого Дела, но — не забудем, что раз люди во множестве отделились от зла, то характерным уже явится для некоторых избранных подчеркнуть свое отчуждение от зла.

Наш же мыслитель слишком по-русски, *практично* и внешним образом понимал происходящее в мире. Он представлял себе зло как *внешнее* отчуждение, забывая, что есть внешнее отчуждение с внутренним общением в то же время со всеми. Так, святой отшельник, удалясь из мира, состоит в то же время во внутреннем духовном общении со всеми христианами. Бывает и наоборот: человек общается внешним образом со всеми, но остается одинок. Это характерно для очень многих, чтобы приводить тому примеры. И кажется нам, что такое-то внутреннее отчуждение (особенно если оно затягивается чрезмерно) скорее совпадает с нахождением человека в области зла...

Итак, *практично, по-русски*, попросту понимая категорию отчуждения, Федоров и мог только сблизить ее с категорией зла. Естественно, что столь же просто он представил затем себе и возможность избавления от зла, а именно — общением, забывая, что и это-то общение может быть разных порядков. Отсюда и его чрезмерные надежды на результаты общего дела. Он слишком, и, скажем, даже непозволительно, идеализировал это общее дело, не различая в нем разных видов его.

Однако и это надо отнести лишь к здоровому идеализму, жизненности русского богатыря мысли, — русского великого мечтателя. И не забудем, что мы теперь снова и снова подчеркиваем, Н. Ф. Федоров мыслил общее дело под руководством лишь Святой Церкви. Это может быть значительным оправданием его безгражданного оптимизма.

И как бы ни были несовершенны и основные мысли, и выводы нашего мыслителя, останемся все же благодарными к его памяти, помня, что он был *русский* мыслитель, со всеми присущими рус-

скому мыслителю достоинствами и недостатками, широтою мысли и некоторою ее анархичностью, оправдываемою особенной практичностью ее же.

А главное — не забудем, что и имевшиеся недостатки своей мысли он во многом преоборол своим христианским сознанием. Вспомним, насколько выше он целого ряда заблудших русских мыслителей и останемся благодарными к памяти его, давшего нам блестящий образчик *русского* мышления.

